

Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский

© 2019

Анна Юрьевна Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия; urmanna@yandex.ru

Аннотация: В данной статье на материале фольклорных текстов рассматриваются нарративные стратегии самого северного, среднетазовского говора селькупского языка в сопоставлении с нарративными стратегиями территориально близких идиомов. Показано, что в среднетазовском представлены нарративные стратегии, изоморфные нганасанским, что отличает его не только от центральных и южных диалектов селькупского, но даже и от представляющего более южную часть северного диалектного ареала верхнетазовского говора. При этом в двух указанных идиомах наблюдается редкое троичное противопоставление нарративных стратегий, построенных на использовании различных глагольных форм, скоррелированное с противопоставлением трех жанров — а) персональных нарративов, б) исторических и семейных преданий и в) сказок. Редкость такой модели говорит в пользу контактного, а не независимого ее возникновения в нганасанском и крайнесеверном селькупском (при отсутствии современных контактов между ними).

Ключевые слова: селькупский, нганасанский, диалектология, языковые контакты, нарративные стратегии

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Нарративные стратегии в селькупских и хантыйских диалектах» № 17-04-00570-ОГН.

Для цитирования: Урманчиева А. Ю. Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский. *Вопросы языкознания*, 2019, 3: 84–100.

DOI: 10.31857/S0373658X0004899-7.

Narrative strategies as an evidence for language contact: Case study of Taz Selkup and Nganasan

Anna Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; urmanna@yandex.ru

Abstract: The paper investigates narrative strategies of folklore texts of the northernmost, Middle-Taz dialect of the Selkup language, which are compared with the narrative strategies of geographically close idioms. It is shown that Middle-Taz Selkup exhibits narrative strategies isomorphic to those of Nganasan. This fact distinguishes it not only from the central and southern dialects of Selkup, but even from the southern part of the northern dialectal cluster represented by the Upper-Taz dialect. Middle-Taz Selkup and Nganasan (and to a some extent also the Vakh dialect of Khanty) represent a rare three-fold distinction of narrative strategies (based on the use of various verbal forms) correlated with the opposition of three genres — a) personal narratives, b) historical and family legends, and c) fairy tales. The rarity of such a model favors its contact, rather than independent emergence in Nganasan and Middle-Taz Selkup (even in the absence of synchronic contacts between them).

Keywords: dialectology, language contact, narrative strategies, Nganasan, Selkup

Acknowledgements: This research was supported by the RFBR grant “Narrative strategies in Selkup and Khanty dialects” No. 17-04-00570-ОГН.

For citation: Urmanchieva A. Yu. Narrative strategies as an evidence for language contact: Case study of Taz Selkup and Nganasan. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 3: 84–100.

DOI: 10.31857/S0373658X0004899-7.

Введение

Селькупский язык представляет собой совокупность диалектов, разделившихся на две изолированных группы: в результате миграции группы селькупов в XVII–XVIII вв. со Средней Оби (с ее правого притока Тыма) в бассейн реки Таз и далее — на реку Турухан сформировалась отдельная территориальная группа северных селькупов. Ареал распространения северных селькупских говоров оказался отделен от основного диалектного массива территориями, на которых проживают ваховские ханты, а также (на Елогуе) кеты. На современной этнической карте Западной Сибири северными соседями тазовских селькупов стали северные самодийцы — тундровые ненцы и лесные энцы (последних северные селькупы вытеснили к северу, заняв их исконные территории), западными — лесные ненцы. Тем самым, тазовские селькупы в последние 300–350 лет были отрезаны от основной группы селькупов, «которая на протяжении более чем полутора тысячелетий сохраняла свой исходный habitat в бассейне Средней Оби и ее притоков. (...) Устойчивые связи и жизнь в сходных природных условиях сформировали значительное сходство хозяйственных и культурных традиций трех соседних народов — ханты, селькупов и енисейских кетов. Не случайно все они были известны многим другим народам под одним общим названием (тюрк. *istäk*, русск. *остяк*, нен. *ħǎbi*, эн. *bago*, эвенк. *žandri*)» [Хелимский 1996/2000: 30–31]. Результаты исследования, представленные в данной статье, показывают, что северные селькупы покинули не только этот традиционный habitat, но и, возможно, «остяцкий» историко-культурный и лингвистический ареал, в результате чего сформировалась новая контактная зона, в которой северные диалекты селькупского контактировали с северносамодийскими языками.

Возможно, некоторые черты северных селькупских диалектов обусловлены этой новой ситуацией языкового контакта. В частности, северные селькупы вошли в «эвиденциальный пояс», протянувшийся от находящегося на периферии остяцкого ареала северных хантыйских диалектов на западе до юкагирского языка на востоке. Напротив, в идиомах остяцкого ареала — кетском, юго-восточных диалектах хантыйского и южных и центральных диалектах селькупского — грамматическое выражение эвиденциальных значений отсутствует. Таким образом, вполне обоснованно говорить о перемещении северных селькупов в ту лингвистическую зону, где доминирующим оказывается северносамодийский языковой тип, и о возможном влиянии этого типа на северноселькупские идиомы.

У читателя может возникнуть вопрос о том, почему для сопоставления с северноселькупскими идиомами из северносамодийских языков был выбран именно географически наиболее удаленный от него нганасанский. Действительно, непосредственно соседствуют с селькупками лесные ненцы, известно также, что селькупы сместили с исконных территорий лесных энцев. Что касается нганасан, сейчас непосредственный контакт тазовских и туруханских селькупов с нганасанами, занимающими крайнее северо-восточное положение в ареале распространения самодийских языков, отсутствует; нет достоверных сведений и о существовании такого контакта в прошлом. Тем не менее, этническая и лингвистическая карта Западной Сибири в последние несколько веков претерпела достаточно существенные изменения, и нельзя игнорировать лингвистические указания на возможность такого контакта. Так, в сфере нарративных стратегий селькупская система оказывается изоморфной именно и только нганасанской — в частности, из-за того, что эта система построена

на противопоставлении инферентивных и репортативных форм, которое представлено в этих двух идиомах, но отсутствует в обоих ненецких языках, а также в энецком (и тундровом, и лесном). В статье также будут приведены некоторые этнографические данные, поддерживающие гипотезу о существовании нганасанско-селькупской контактной зоны.

Вероятно, в эту контактную зону входил прежде всего крайнесеверный, среднетазовский говор селькупского. С одной стороны, именно он демонстрирует полное тождество с нганасанским в сфере организации нарратива; с другой стороны, в статье показано, что среднетазовские нарративные стратегии отличаются не только от стратегий, представленных в центральноселькупском и южноселькупском ареале, но и от нарративных стратегий верхнетазовского селькупского — другого северного говора, занимающего более южное положение.

Наконец, если среднетазовский селькупский и нганасанский демонстрируют полный изоморфизм, есть ряд неполных сходств этих идиомов с двумя соседними идиомами: лесным энецким и крайневосточным говором (с. Корлики) самого восточного, ваховского диалекта хантыйского языка.

Статья построена следующим образом. В первом разделе охарактеризованы те эвиденциальные формы нганасанского, которые имеют определенные дискурсивные функции; во втором разделе рассматриваются эвиденциальные формы тазовского селькупского; в третьем разделе обсуждаются нарративные стратегии нганасанского, в четвертом — нарративные стратегии среднетазовского селькупского. В пятом разделе нарративные стратегии нганасанского и среднетазовского селькупского сопоставляются с нарративными стратегиями территориально близких идиомов и делаются выводы на основании рассмотренного лингвистического материала с привлечением этнографических данных.

1. Эвиденциальные формы нганасанского

Система эвиденциальных форм с максимальным количеством противопоставлений представлена среди северносамодийских в нганасанском, см. [Гусев 2007]. Для нашего исследования существенны две формы: репортатив (представленный в нганасанском как отдельная форма, в отличие от ненецкого и энецкого) и инферентив.

Инферентив. В нганасанском, как и во всех самодийских языках, представлена форма, используемая для описания ситуации, свидетелем которой говорящий не был и о которой он судит по наблюдаемому результату или же по каким-то иным, более косвенным «следам» ситуации:

- (1) *təniδə* *nj* *šeri-''ə-∅* *niŋi-mj-n-tj* *bəjməni* *niŋi-tj-∅*
 потом жена[Acc.Sg] взять-PERF-S3 жить-VNIPF-GEN-3 во.время жить-PRAES-S3
manuo-d'ə-gal'i. *niemj-n-tj* *ŋuod'a* *buo-''muo-d'ə*
 прежний-PRAETN-CARIT мать-GEN-3 небо сказать-VNPFV-PRAETN
d'indil'i-hiadi-ndə'' *bəntuo* *ŋuo-ntə.*
 услышать-INFER-R3 верхний небо-LAT

‘Потом он взял жену и всю жизнь прожил без происшествий. Похоже, Бог на небе услышал обращенные к нему прежние слова его матери <о том, чтобы он дал ее сыну хорошую жизнь>’ [Katzschmann 2008: 64]¹.

Инферентив употребляется также в значении адмиратива, ср. следующие примеры, где сама ситуация является засвидетельствованной и говорящий делает утверждение об обнаружении некоторых дополнительных обстоятельств этой ситуации, которые были ему изначально неизвестны; так, в (2) говорящие не сразу обнаруживают, что земля,

¹ При цитировании примеров из разных источников сохраняется транскрипция и (при наличии) глоссы оригинала.

на которой они расположились стойбищем, не пригодна для выпаса оленей, а в (3) — говорящий узнает, что отданный ему аргиш (санный поезд) был отдан лишь притворно. В силу засвидетельствованности ситуации очевидно, что показатель инферентива в данном случае не имеет значения косвенной эвиденциальности, а передает значение адмиратива.

- (2) *Үүдэ-кэличе дьунхэ-гали дянзуй-чуэ сату-раа муу-нтэ*
 один-ЕМРН дерн-САРИТ не.быть-РtPRAES[GEN] глина-LIM[GEN] земля-LAT

малэ-бата-ну''.

встать.стойбищем-INFER-R1PL

‘Мы встали стойбищем на совершенно лишенной дерна, сплошь глинистой земле’
 [из собрания нганасанских текстов В. Ю. Гусева и М. М. Брыкиной].

- (3) *Тэти толыэ җана''са, деңгэбту-зуй-ляа-дя мызэ-тэ-мэ*
 тот вор человек обмануть-DUR-LIM-VAINF аргиш-DEST[ACC]-1

тэту-бату-Ø, мызэ-мэ хиэратэ толы-диэ-деэ.

отдать-INFER-S3 аргиш[ACC]-1 в.противоположном.направлении украсть-RtPRAET-PRAETN

‘Он вор, он, видать, лишь для обмана отдал мне аргиш, [а потом] он мой аргиш обратно выкрал’ [из собрания нганасанских текстов В. Ю. Гусева и М. М. Брыкиной].

В случае перфективных глаголов, как в (2)–(3), образование адмиративного значения фактически можно интерпретировать как смещение сферы действия инферентивного показателя с предиката на его зависимые. В то же время, с имперфективными глаголами адмиративное значение реализуется «в чистом виде»²:

- (4) *Сюназы-'' ма-ти'' чуу-тү-ндэ-ту, әу'', манакү''*
 Сюназы-[GEN]PL чум-LAT.PL прийти-VNTEMP1-LAT-3 EXCL как.раз

күзия-тэ-хуазу-әу''!

проснуться-NP-INFER-S3PL-EXCL

‘{Уйдя, повествование добралось до тех прежних чумов тех Сюназы.} Когда оно до чумов Сюназы добралось, о, те только просыпались!’ [из собрания нганасанских текстов В. Ю. Гусева и М. М. Брыкиной].

² В [Maslova 2003] дается другая интерпретация семантики юкагирского инферентивного показателя в примерах, аналогичных нганасанским (6) и (7), которые здесь интерпретируются как представляющие адмиративное значение. Е. Маслова пишет следующее: «In such examples, the Inferential suffix appears to express *deferred* evidence meaning (...), i.e. it signals just that the information on the situation was obtained later the situation had taken place, independently on the type of this information (eyewitness vs. noneyewitness). The deferred evidence semantics is particularly clear in descriptions of speaker’s own actions, which cannot be accounted for in terms of inference, e.g.:

- (14) a. *ataq-un kun'il-get ningo: i:die-l'el-d'i:i*
 two-AT ten-ABL lots.of catch-INFER-INTR:1PL

It turned out that we had caught more than twenty. [The speaker participated in fishing, yet the fish was counted only afterwards.] (K5:92)

- b. *ta: ejre-t met me:me: abut aji'l-ge ta: cha:j-e*
 [there walk-SS:IPFV] I bear lair inlet-LOC there tea-ACC

o:ž'a:-l'el-d'e

drink-INFER-INTR:1SG

While walking there, I drank tea near the lair of a bear. [The speaker noticed the lair later.]»
 [Maslova 2003: 224].

Аналогичные употребления инферентивного суффикса представлены и в других северносамодейских языках, ср.

- нен. (i) *Блька-м вад-вэ-м'. Ма-мазь, не-м' вад-накэ-м'.*
 черт-ACC привести-INFER-S1 сказать-S1.PRAET женщина-ACC вести-PRESUMP-S1

‘Оказалось, что я привел чудовище, а я-то думал, что привел женщину’ [ЭПН: 220].

Еще одна нгасанская эвиденциальная форма, которая имеет определенные дискурсивные функции — репортатив (в ненецком и энецком нет отдельной формы репортатива, и это значение выражается формой инферентива). Репортатив в нгасанском может выражаться как синтетически (суффикс -НАМНУ³ в индикативе, -НА — в интеррогативе), так и аналитически — сочетанием той или иной индикативной формы с частицей *ibahu*, восходящей к репортативной форме бытийного глагола. Благодаря аналитическим формам парадигма репортатива оказывается в нгасанском достаточно разветвленной, что касается семантики репортативных форм, она подробно описана в [Гусев 2007: 429–439], здесь приводятся несколько иллюстраций:

- (5) *Danasanə-ʔ muni-ŋkə-ndu-ʔ, nəʔ i-bahu-m.*
 человек-PL сказать-ITER-PRAES-S3PL шаман быть-REPORT-S1
 ‘Люди говорят, я шаман’ [Katzschmann 2008: 66].
- (6) *Təniŋi ləŋhory ŋaŋu-tuo-ʔ nily-ty-ʔ i-bahu-ʔ*
 там желудок говорить-PTPRAES-PL жить-PRAES-S3PL быть-REPORT-S3PL.
 ‘Говорят, там живут люди, рты у которых на животе’.
- (7) *Əməniə, təti tɨŋ təniʔa siədi-tiə,*
 тот этот ты[ACC] так третировать-PTPRAES
kasa-ʔi-əə i-bahu kotu-ru-ʔ.
 почти-PERF-R3 быть-REPORT убить-PASS-CONN
 ‘Говорят, того, кто тебя третировал, едва не убили’.
- (8) *bənsə-muʔ kuoʔ-sutə-muʔ i-bahu.*
 весь-1PL умереть-FUT-S1PL быть-REPORT
 ‘{Я слышал голос из-под земли, он сказал, будто} мы все умрем’ [Katzschmann 2008: 80].

2. Эвиденциальные формы тазовского селькупского

Эвиденциальная система тазовского селькупского описана в [ОчСЯ 1980], более подробно и с определенной реинтерпретацией — в [Урманчиева 2014; 2015]. В связи с темой данной статьи важно иметь представление о способах выражения инферентивного и репортативного значений. Инферентив оформляется суффиксом *-mru*:

- (9) *Səl'pa-p qəttəl-ny-ty — tjal'a*
 спичка-ACC чиркнуть-АОР-ОЗ ребенок
qontal-ə-mra-∅ mɔta-n ɔq-qun.
 уснуть-INTENS-INFERS-3 дверь-GEN рот-LOC
 ‘Спичкой чиркнул <и увидел>: ребенок уснул в дверях’ [ОчСЯ 1993: 9–10].
- (10) *ʒaklo-ʒyn-ty tju-ŋə-тын — монты мыта кəт ʒум-ыт муны*
 нарты-ILL-3 подойти-АОР-S/O3PL глядь мол десять человек-GEN палец
иппəтын Селчи Паныц Ира-нык-ты ʒуп имал-лə
 лежать-АОР-S/O3PL семья коса старик-LAT-3 человек свататься-СВ
tju-мпə-тын, на ынты-п амнал лосы-л ʒопты-н нюци-н иннə
 прийти-INFERS/O3 вот лук-ACC тощий черт-ATTR бык-GEN хозяин-GEN вверх
чап вəчи-мпə-тын, альчи-мпа-∅ ыллə, на ʒумы тын муны-п
 лишь поднять-INFERS/O3 упал-INFERS-3 вниз тот человек-COLL тот палец-ACC

³ Заглавными буквами обозначается морфонологическая запись.

мунтык на тѣ **начал-на-т.**
 весь вот прочь отрубить-INFER-03

‘К нартам пришли — десять человеческих пальцев лежат. <Видно,> к Старику с Семью Косами десять человек свататься **приходили**, этот лук Тощего Быка Хозяина лишь **подняли** — вниз **упал**, этих людей всех пальцы **отрубил**’ [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 15].

В значении репортатива используется форма с суффиксом *-nty* (этот показатель с широкой эвиденциальной семантикой, называемый в [ОчСЯ 1980] латентивом, имеет также другие значения из сферы косвенной эвиденциальности: презумптивное, аудитивное и эндофорическое), ср. пример (11) с имперфективным глаголом, где данная форма имеет значение презенса репортатива, и пример (12), где эта же форма от перфективного глагола имеет значение претерита репортатива.

(11) *Ара-ту томра қйты-нты-Ø.*
 отец-1 мол болеть-LATENT-S3

‘Мой отец, говорят, болен’ [ОчСЯ 1980].

(12) *Тѣнтыль чѣлы нильчиль ѓты тў-нты-Ø — ѓмтӓль₁ қон₂ мықыт*
 следующий день такой весть прийти-LATENT-S3 царь_{1,2} у
момпа коччи пӓӓ-ль тамтыр-ты шўньни-нты-Ø.
 мол много половина-ATTR род-3 уменьшиться-LATENT-S3

‘На следующий день такая весть пришла: у царя людей чуть не вполнину меньше стало’ [Прокофьев рук., фонд 6, опись 1, ед. хр. 18.].

3. Эвиденциальные формы в организации нарратива: нганасанский

В нганасанском интродуктивные фрагменты фольклорных нарративов оформляются особым образом: глаголы оформляются показателем инферентива либо репортатива. При переходе к событиям основной сюжетной линии формы косвенной эвиденциальности в рамках данной нарративной стратегии сменяются основной индикативной формой: перфектом для перфективных глаголов и презенсом для имперфективных. Ниже приводятся примеры употребления инферентива в интродуктивной функции:

(13) *Hün's'əərənu bənsə mou bj'' i-huadu-Ø.*
 давно весь земля вода быть-INFER-S3
kuo hirit'ə-küo-nj bj-tj n'imə''kü s'iji-''ə-Ø.
 какой высота-EMPH-LOCADV вода-3 немного спасть-PERF-S3
bjδə kunsj-δə kojka mou ɲətumi-''ə-Ø.
 вода.GEN внутри-ELADV шайтан земля появиться-PERF-S3

‘Когда-то вся земля **была** водой. Через некоторое время вода немного отступила. Из воды появилась земля Койкэ мой’ [Katzschmann 2008: 58].

В следующем примере интродукция устроена несколько иначе: общие обстоятельства описываются формой прошедшего времени, а форма инферентива выступает в тех предложениях, где вводится главный герой и его обстоятельства:

(14) *Hün's'əərənu bənsə mou sjr i-s'üo-Ø. n'otə-'' d'anguj-s'üo-''*
 давно весь земля лед быть-PRAET-S3. трава-PL не.иметься-PRAET-S3PL
huaa-'' d'anguj-s'üo-'' taə-'' təbtə d'anguj-s'üo-''
 дерево-PL не.иметься-PRAET-S3PL олень-PL тоже не.иметься-PRAET-3PL

kunit'ə-küo mou-ntənu nənd'i-hiatj-Ø sɯrədə ma''.
какой-ЕМРН земля-LOC сидеть-INFER-S3 ледяной чум
təndə ma-tənu ŋanasa nil'i-biatj-Ø. sɯtj n'im-ti sɯrədə ŋuo.
этот чум-LOC человек жить-INFER-S3 его имя-3 ледяной бог
n'embɯtj-''ja-gial'i i-huaɖu-Ø, n'üo-gial'i,
жена-AUGM-CARIT быть-INFER-S3 ребенок-CARIT
i-huaɖu-Ø ta-gial'i i-huaɖu-Ø ban-tu təbtə d'ajku.
быть-INFER-S3 олень-CARIT быть-INFER-S3 собака-3 даже нет
təti ŋanasa sɯn'əru-''o-Ø: "təni''ia n'ilj-bi'' bahia''.
тот человек подумать-PERF-S3 так жить-VACOND плохо

‘Когда-то вся земля была покрыта льдом. Не было травы, не было деревьев, и олений тоже не было. В каком-то одном месте **стоял** ледяной чум. В этом чуме **жил** человек. Имя его — Ледяной Бог. Он был **неженатым**, был **бездетным**, был **безоленным**, даже собаки у него не было. Этот человек подумал: «Так жить плохо»’ [Katzschmann 2008: 56].

Наконец, в следующем примере инферентивная форма используется не для введения персонажей (в этих предложениях употребляется форма прошедшего времени), а для описания «предыстории» — нескольких событий, предшествующих основному сюжету:

(15) *ŋu''oj n'a inia''aku-tj nani bii-juü-ɖə keta''a-ja basah''an-sa*
один нганасан жена-GEN.SG.3 с уйти-ПРАЕТ-R3 PN-LAT охотиться-VAINF
babi''a. matə-m-ti me-s'ia-gəj bɯdə bərə. n'aa
дикий-AUGM чум-ACC-3DU сделать-ПРАЕТ-S3DU вода.GEN берег нганасан
bii-''a-jɖə basuda-ja. d'alj bəj-məni babi-j
отправиться-PERF-R3 охота-LAT день.GEN протяженность-PROL дикий-ACC.PL
tan'ər-sia-Ø. təndə huo, hüoti'' d'otür-ü-Ø basuda-ja. in'a''a-ku-tj
преследовать-ПРАЕТ-S3 потом все.время_{1,2} ходить-ПРАЕС-S3 охота-LAT жена-DIM-3
ŋonə-ntu ma-tənu i-h''aɖu-Ø. munu-ŋkə-h''atu-Ø bojkuo-tu'a: <...>
сам-3 чум-LOC быть-INFER-S3 говорить-ITER-INFER-S3 муж-LAT

‘Один нганасан отправился с (молодой) женой на Хету, чтобы охотиться на диких. Они поставили чум на берегу реки. Нганасан отправился на охоту. Целый день он преследовал диких. Потом он все время уходил на охоту. Его жена **была одна** в чуме. Она **говорила** своему мужу: <...>’ [Katzschmann 2008: 154].

Как уже было сказано, репортатив в нганасанском может встречаться в интродуктивных фрагментах аналогично инферентиву:

(16) *ŋu''odu'' ŋanasanə-'' kotu-d'üo-'' ibahu kəuk'a muŋku-tini.*
однажды человек-PL убить-ПРАЕТ-S3PL РЕПОРТ лось лес-LOCPL
Kubu-m-tu ni''ə-''.
шкура-ACC-3 снять-PERF-S3PL

‘Однажды люди **убили** в лесу лося. Они освеживали его’ [Katzschmann 2008: 58].

В отличие от инферентива, репортатив может использоваться и в рамках другой нарративной стратегии — не только в интродуктивных фрагментах, но и на протяжении всего нарратива, ниже приводится фрагмент такого текста:

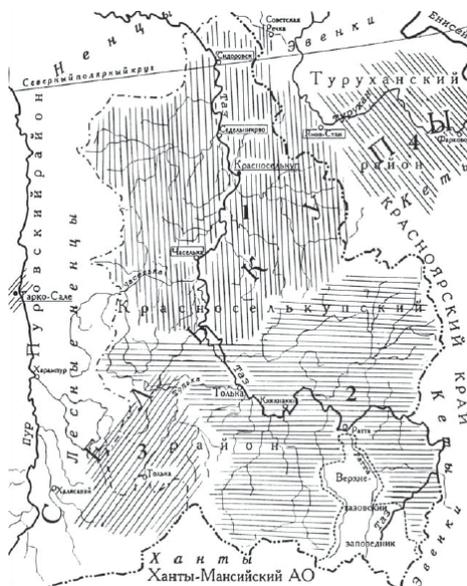
(17) 1. Хүнсерэну тэти мануэ моу мантэбү’э чухуэдээ эку ибаху сюкиси? тэихуамбу?
2. Тэти ну’эи? ны тах. дюку’э ибаху мазучу. 3. Тах. III сюксе мазэй уэзи’э ибаху.
4. Сүүси ибаху нануэ нимтти. 5. Тэни тах. мати’ чуүдя, тэни тах. нэмсачун хию’э? ибаху,
нэм’кандэ’кэса норичун ху’ану’э бэньде’ чуүтанду. 6. Тэндичи тах. чунүрэнхуанху?
7. тэндиче тах. дюбытэбийахы бэнді. 8. Тэти бэйкамэсочү тэни’иарйаи’ хүү’га’а
ибаху... хүү’хуанху 9. Сыты нэмуркэбаху. 10. Нанудетэ сяхыгү’э сяхы нэмсату’э,

баби² сябы² ажу, маараа². 11. Тах. кунтудя канкагүд хиймтэбы² ажу. 12. Тааніа кэитгэ ситі ны **ибахуэу**, куэдоюу. 13. Тэ хишьдэ тах. **хисилегэбийаухыті**. 14. Бэнсэгэй няті дэ хидиси, **хидикэбийахы**². 15. Тэгэтэ мэкидэ **себситілекэбийахинді**.

‘1. Давно, когда земля только появилась, чукчи, говорят, **были**. 2. Одна женщина **потеряла, говорят**, свое стойбище. 3. **Увидела** чумы чукчей. 4. Сююси <есть> их настоящее имя. 5. Дошла она до чумов, там у них мясо **варится**, собираясь есть, каждому поставили миски. 6. Эту всю еду они **нюхают**. 7. Все они **выкидывают** на улицу. 8. Она вздохнула, такой тяжелый (вонючий) запах **идет... воняет**. 9. Она **кушает**. 10. Мясо-то настоящее мясо, наверное, диких мяс всякое. 11. Когда стемнело, они уснули, наверное. 12. На той стороне <есть>двое, женщина и мужчина. 13. Ночью они **смеются**. 14. **Смеются** между собой. 15. После (того, как засмеются), **плюются** назад [Из собрания нганасанских текстов В. Ю. Гусева и М. М. Брыкиной, текст записан Ж.-Л. Ламбером от Д. Мирных, расшифрован В. Ю. Гусевым].

4. Эвиденциальные формы в организации нарратива: тазовский селькупский

Теперь перейдем к рассмотрению северного селькупского материала. Северный селькупский представлен четырьмя говорами, ср. [Казакевич 2005: 122] (приводится карта из [Мифология 2004: 16]):

Карта 1. Распространение северных селькупских диалектов: 1 — среднетазовский, 2 — верхнетазовский, 3 — верхнетолькинский, 4 — баишенский.

С точки зрения организации нарратива в среднетазовском селькупском нас будут интересовать два показателя: инферентивный показатель *-тру* и показатель *-ттуцу*. Этот второй показатель является составным, первая его часть (*тту < тру*) представляет собой инферентивную морфему, вторая (*нту*) — латентивную. Этот показатель не имеет собственно эвиденциальных значений, у него представлены только определенные дискурсивные

функции. Учитывая, что а) дискурсивные употребления этого показателя полностью параллельны дискурсивным употреблениям репортатива в нганасанском и б) репортативное значение в селькупском, как было показано выше, передается латентным показателем, представленным и в составе рассматриваемого показателя *-mmyntu*, я предлагаю обозначить форму с показателем *-mmyntu* как нарративный репортатив.

Среднетазовский говор демонстрирует набор из двух нарративных стратегий, полностью изоморфный нганасанскому. В рамках первой в интродуктивном фрагменте используется инфертив (для введения персонажа и его обстоятельств (18) или для рассказа предыстории (19)) либо нарративный репортатив (20); при переходе к событиям основной сюжетной линии начинает использоваться основная индикативная форма — аорист (имеющая значение претерита у перфективных глаголов и значение презенса у имперфективных).

- (18) *Ukkyr ira ily-mpa-∅ pely-kālyk.*
 один старик жить-INFER-S3 товарищ-CARIT
N'i ĵja-ty, n'i ima-ty — n'i kuty-ty cāñny-mpa-∅.
 ни ребенок-3 ни старуха-3 ни кто-3 не.иметься-INFER-S3
Ukkyr pōr pōqunu mōty qorqu šēr-na-∅.
 один раз снаружи чум-LAT медведь войти-AOR-S3

‘Один старик жил одиноко. Ни ребенка, ни жены — никого у него не было. Однажды к нему вошел медведь’ [ОчСЯ 1993: T17].

- (19) *Ukkyr tāmkuṃ. Ukkyr ĵja-ty. Aĵ ukkyr nāly-ty.*
 один купец один сын-3 еще один дочь-3
Ėmṃāly, kōk₂ iya-m-ty ḗmty-mby-lā vāry-mba-m.
 царь₁,₂ сын-ACC-3 спрятать-DUR-CvB держать-INFER-O3
Nḃny űimty₁ čāñky₂ simty-saryly₃ po-m ḗsy-mba-∅.
 потом восемнадцать₁,₂,₃ год-PL стать-INFER-S3
Nḃny ponā ĵty-mba-m. Ėmṃyly₁ ko-m₂ ĵja-ty ponā tanny-mba-∅.
 впредь наружу пустить-INFER-O3 царь₁,₂-GEN сын-3 наружу выйти-INFER-S3
Na čēly mory kuttar-ba-∅. Kḗmty muntyk koraly-mba-m.
 этот день целиком бегать-INFER-S3 город весь обойти-INFER-O3
Nḃny űimtyṃmāly ḗsy-nty-nyk nilyčik kāty-ny-m: <...>
 потом вторично отец-3-ILL так сказать-AOR-O3

‘Один купец. Один сын у него. И одна дочь. Царь сына своего пряча держал. Потом восемнадцать лет (его) стало. Впредь на улицу пустил. Царя сын на улицу вышел. Этот день целиком бегал. Город весь обошел. Потом опять отцу своему так говорит: <...>’ [Прокофьев (рук.): фонд 6, опись 1, ед. хр. 18].

- (20) *Ica-kuűyka imyl'a-syqāĵ ily-mmyntō-j.*
 PN-DIM бабушка-COMIT жить-NARR-REP-S3DU
Ica ukkyr contō-t qān-na-∅ sūryl'-l'ä.
 PN один время-LOC пойти-AOR-S3 охотиться-CvB
 ‘Ича с бабушкой жил. Однажды Ича охотиться пошел’ [ОчСЯ 1993: 13].

В 1970-е годы в Красноселькупе Е. А. Хелимским было записано историческое предание о военных столкновениях селькупов с ненцами, и нарратив в данном случае выдержан с использованием второй нарративной стратегии, в рамках которой нарративный репортатив употребляется на протяжении всего текста (21).

- (21) 1. *Nḃny konnä na tannymmynty.* 2. *Ukkyr qālyk karrän na qalymmynty, qural' qālyk karrän na qalymmynty.* 3. *ṣny qālyt konnä na tannymmyntōtyt.* 4. *Ira cul' mōtyqnty na šērpynty.* 5. *Qālyt pōqyn ḗptāqyt ämnäintysä mōtyṃ ḃlyp n'utyä na tōqymmyntōtyt, nḃny tōsä tōqympaty, nḃny ürsä qamnympaty, nḃny aj n'utyä na tōqymmyntyty.*

6. *N̄ny qālytym m̄ṣṣṣy ūtylā, kunner apsy qajty ēsa muntyk karrā na tottymmyntyty.*
 7. *N̄ny ira na apstyqolammyntyty, na amyrqolammyntṣṣyt qālyt.* 8. *N̄ny onty m̄ṣṣṣy qalympa, ṣṣṣṣy āmnāmy n'ennāl' okoškanty na ūtymmyntyty, ṣṣṣṣy āmnāmy p̄qyl' pelāl' m̄ṣṣṣa p̄ūtylyty, ṣṣṣṣy āmnāmy ĩnnā ṣṣṣṣy p̄rynty ūtymmyntyty.* 9. *Sēpylaṣ na amyrpyn-tṣṣyt, sēpylaṣ na ṣṣṣṣymmyntṣṣyt qālyn.* 10. *N̄ny ira āmnāqynty laṣkal'mynty:* “Tūsā cūnylyt m̄ṣṣṣy!”

1. Потом на берег он **вышел**. 2. Один ненец внизу **остался**, хромой ненец внизу **остался**. 3. Остальные ненцы на берег **вышли**. 4. Старик в свою землянку **вошел**. 5. Пока ненцы на улице были, (он) со своими снохами пол сеном **застелил**, потом берестой застелил, потом жиром залил, потом опять сеном **застелил**. 6. Потом, ненец в дом впустив, сколько еды, что у него было, (= сколько было у него еды), все на огонь (вариться) **поставил**. 7. Потом старик **стал кормить**, **стали есть** ненцы. 8. Потом сам в доме остался, двух снох к переднему окну **отправил**, двух снох в наружные сени, двух снох вверх к дымовому отверстию чувала **отправил**. 9. Достаточно **покушали**, достаточно **посидели** ненцы. 10. Потом старик своим снохам **крикнул**: «Огнем бросьте в дом!» [ОчСЯ 1993: Т20].

Как можно видеть, употребления в селькупских фольклорных нарративах показателя *-m̄nynty*, обозначенного здесь как нарративный репортатив, идентичны употреблению репортативного показателя в нганасанских нарративах:

- он употребляется в интродуктивных фрагментах — как и в нганасанском, не составляя контраста с формой инферентива;
- он может употребляется на протяжении всего повествования.

Более обширный нганасанский материал позволяет указать на жанровое противопоставление, с одной стороны, инферентивно-аористной и репортативно-аористной, с другой — репортативной стратегии. Репортативная стратегия употребляется в текстах, которые можно определить как истории, являющиеся достоянием социума, к которому принадлежит говорящий, но повествующие о событиях, которым он сам не был свидетелем: это семейные либо исторические предания или же истории о членах данного социума, известные ему с чужих слов. Инферентивно-аористная и репортативно-аористная стратегии используются в фольклорных нарративах — мифах и сказках⁴. Приведенные в этом разделе селькупские данные также не противоречат этому распределению.

5. Сопоставление среднетазовских и нганасанских данных с генетически / ареально близкими языками

Таким образом, мы видим изоморфизм нарративных стратегий среднетазовского селькупского и нганасанского. Чтобы считать этот изоморфизм релевантным указанием на возможность контакта этих двух идиомов, надо представлять себе, какие нарративные стратегии используются при рассказе фольклорных текстов а) в других идиомах данного региона и б) в генетически наиболее близких идиомах.

Хотя, как мы видели, в нганасанском и тазовском селькупском нет отчетливого противопоставления двух нарративных стратегий — с инферентивом в интродуктивном фрагменте и с репортативом в интродуктивном фрагменте, — с точки зрения сопоставления

⁴ В нганасанском в зачине любого из перечисленных текстов — исторического предания, мифа или сказки — может использоваться также претерит; на фоне сопоставления с нарративными стратегиями данного ареала использование претерита в данной функции выглядит собственно нганасанской инновацией.

с данными других языков удобнее говорить о трех нарративных стратегиях: инферентивно-аористой, репортативно-аористой и репортативной (в рассмотрение для полноты картины включена также претеритально-аористная стратегия).

В **тундровом ненецком** инферентив и репортатив передаются единственной формой, восходящей к перфективному причастию. Соответственно, естественно предполагать, что первичным значением полифункциональной формы косвенной эвиденциальности был инферентив. В коллекции таймырских ненецких фольклорных текстов, как и в фольклорных текстах на других локальных вариантах [ЭПН; Терещенко 1990], представлена единственная нарративная стратегия — инферентивно-аористная.

В **тундровом энецком** система аналогична тундровой ненецкой.

В **лесном ненецком** [Lehtisalo 1947] представлена та же полифункциональная форма косвенной эвиденциальности, что и в тундровом ненецком; она совмещает значения инферентива и репортатива. В фольклорных нарративах эта форма не имеет специальных дискурсивных функций: в интродуктивных фрагментах используется форма хабитуалиса, в основной части нарратива — аорист. При этом в одной из сказок, записанных Т. Лехтисало, хабитуалис является основной повествовательной формой.

В **лесном энецком** представлена та же полифункциональная форма косвенной эвиденциальности, что и в тундровом энецком и в обоих ненецких идиомах — полифункциональная форма с инферентивным и репортативным значением. В большинстве фольклорных текстов на лесном энецком используется инферентивно-аористная стратегия; тем не менее, в [Сорокина, Болина 2005] есть сказка, в которой эта форма косвенной эвиденциальности является основной повествовательной формой.

В **баишенском говоре селькупского** зафиксирована только аористо-инферентивная стратегия [Тучкова, Вагнер-Надь 2015: тексты 13, 28, 58; Siberian Lang: Легенда о селькупском богатыре, Сказка об одном селькупском старике, Пална, Ича и черт (березовая парка)].

На **верхнетолькинском селькупском** опубликован фольклорный текст в [Казакевич 2002], в нем представлена аористо-инферентивная стратегия.

Верхнетазовский селькупский [ОчСЯ 1993: тексты 6, 26, 27; Тучкова, Хелимский 2010: Приложение 3, текст 4; Siberian Lang: Лабаз]. Во всех этих текстах основной нарративной формой является инферентивная форма с показателем *-тру*. О. А. Казакевич (устное сообщение) указала мне на то, что в ее коллекции есть мифологический текст, в котором представлена репортативная стратегия (показатель *-ттунту* используется на протяжении всего повествования); учитывая мобильность селькупов в пределах северного диалектного ареала, такое «взаимопроникновение» стратегий между говорами выглядит вполне естественным. Тем не менее, остается справедливым наблюдение относительно того, что аористо-инферентивная стратегия для верхнетазовского говора нехарактерна. Таким образом, наличие репортативной стратегии в данном говоре не делает набор представленных в нем нарративных стратегий изоморфным нганасанскому, как это имеет место в случае среднетазовского; примечательно также, что репортативно-аористной стратегии в доступных верхнетазовских материалах не зафиксировано.

Тымский диалект селькупского [Тучкова, Вагнер-Надь 2015: тексты 7, 26, 47] представляет центральный диалектный ареал⁵; именно с реки Тым мигрировала та группа селькупов, которая впоследствии стала основой обособившейся группы северных селькупов. В тымском основной повествовательной формой является форма инферентива на *-тру*.

Суммируем эти данные в таблице 1.

⁵ В других текстах из данного издания, представляющих центральный диалектный ареал, — текстах 16 и 24 на васоганском говоре и тексте 12 на ласкинском говоре — представлена та же нарративная стратегия, что и в тымском.

Таблица 1

**Нарративные стратегии среднетазовского селькупского,
нганасанского и территориально близких идиомов**

Идиом \ Стратегия	инферен- тивно- аористная	репорта- тивно- аористная	репортативная	Единичные стратегии
лесной ненецкий	—	—	—	хабитуально- аористная
тундровый ненецкий	+	—	—	—
тундровый энецкий				инферентивная
лесной энецкий				—
нганасанский	+	+	+	
среднетазовский селькупский	+	—	—	
баишенский селькупский	+	?	?	
верхнетолькинский селькупский	—	—	+	
тымский селькупский	—	—	—	инферентивная

Таким образом, если предложенная интерпретация верна, в нганасанском и среднетазовском селькупском мы находим идентичный набор стратегий, использующихся в фольклорных нарративах, который при этом отличает их от всех территориально близких идиомов. Этот изоморфизм представляется еще более значимым в силу того, что он демонстрирует типологически редкую корреляцию нарративных стратегий с различными жанрами фольклора. Это наблюдение можно дополнить данными о нарративных стратегиях, использующихся в персональных нарративах — историях из жизни рассказчика. В северносамодийских языках в интродуктивных фрагментах таких нарративов не используются формы косвенной эвиденциальности (инферентив либо репортатив), характерные для фольклора. Интродукция в них содержит форму прямой засвидетельствованности — претерит. Так же обстоит дело и в селькупском — и в северных говорах, где эвиденциальность представлена в глагольной системе, и в центральных, где эвиденциальная система разрушена. Таким образом, с учетом этой третьей нарративной стратегии оказывается, что в нганасанском и среднетазовском селькупском представлено троичное противопоставление нарративных стратегий, коррелирующих с различными жанрами нарратива: персональный нарратив ~ миф / сказка ~ историческое предание. Имеет ли такое троичное противопоставление параллели в соседних языках? Оказывается, что оно представлено в самом восточном говоре восточного, ваховского диалекта хантыйского языка — говоре села Корлики (материалы текстов из [Терёшкин 1961] и из архива Н. И. Терёшкина). При этом оно отсутствует как в других говорах и диалектах селькупского, помимо среднетазовского (ср. данные по тымскому и верхнетазовскому в таблице 2), так и в других говорах ваховского хантыйского (ср. данные по говору с. Лабаз-Ёган в таблице 2, с. 96); не представлено оно и в северносамодийских языках, помимо нганасанского.

Данные таблицы 2 показывают следующее: само по себе тернарное противопоставление нарративных стратегий, скоррелированных с тремя жанрами нарратива, представлено в хантыйском говоре с. Корлики (необходимо отметить, что еще в XIX в. часть северной группы селькупов была расселена и в верховьях Ваха, и говор Корликов из всех восточных хантыйских находится ближе всего к данной зоне), нганасанском языке и среднетазовском говоре селькупского. Если все три нарративные стратегии нганасанского и среднетазовского селькупского полностью изоморфны с точки зрения того, какие именно формы используются для организации нарратива, в хантыйском говоре с. Корлики в нарративе

Таблица 2

**Наличие трех нарративных стратегий, скоррелированных
с тремя жанрами нарративов**

Идиом		Персональный нарратив	Миф, сказка	Историческое предание
Селькупский	тымский	Интр.: -s Нарр.: AOR	-mpy	
	верхнетазовский	-s	Интр.: -mpy Нарр.: -mpy	
	среднетазовский	Интр.: -s Нарр.: AOR	Интр.: -mpy (INFER) ~ -mmyntu (REP) Нарр.: AOR	-mmyntu (REP)
Нганасанский		Интр.: -s Нарр.: AOR	Интр.: -HUATU (INFER) ~ -MUMHA (REP) Нарр.: AOR	-MUMHA (REP)
Ваховский хантыйский	с. Корлики	<i>-yal</i>	Интр.: -∅ Нарр.: -yas ~ -s	-∅
	с. Лабаз-Ёган		Интр.: <i>-yal</i> Нарр.: -s	?

используются другие средства, а именно различные формы претерита; существенное отличие от нганасанско-селькупских данных состоит в том, что в ваховском хантыйском нет эвиденциальности, и, соответственно, эвиденциальные формы не задействованы в организации нарратива.

Тем не менее, мы имеем протянувшуюся с юга на север полосу, начинающуюся на юго-восточной периферии хантыйской диалектной зоны и заканчивающуюся нганасанским, в которой представлено тернарное противопоставление нарративных стратегий, скоррелированное с тремя жанрами нарратива. При этом нарративные стратегии хантыйского говора с. Корлики демонстрируют только функциональное соответствие нарративным стратегиям нганасанского и среднетазовского селькупского, тогда как среднетазовский и нганасанский обнаруживают, помимо этого, полный формальный изоморфизм⁶.

Как было показано в [Урманчиева 2018], эти лингвистические данные имеют некоторые этнографические корреляции. Приведу здесь еще раз соответствующий материал.

В [Ващенко, Долгих 1962] приводятся следующие сведения о нганасанских родах: «...происхождение родов Нгомде и Нгамтусо связано с историей формирования в пространстве между Тазом и Пясиной энецких племен. Про род Нгамтусо (Воронов) нганасаны нам прямо говорили, что он происходит из «тазовской стороны» и что они людей рода Нгамтусо не считают настоящими нганасанами» [Там же: 182].

Если исследование Б. О. Долгих позволяет сделать утверждение о возможности прихода с Таза части родов, вошедших в состав нганасан, этнографические исследования дают более определенную картину связи нганасанской материальной культуры с материальной культурой, представленной у кетов и селькупов. В соответствии с [ИЭАС 1961],

⁶ В целом эта система с тернарным противопоставлением нарративных стратегий выглядит скорее реликтом, так что не стоит удивляться тому, что эта полоса захватывает не все географически входящие в нее идиомы; как мы видели из таблицы 1, следы противопоставления трех нарративных стратегий есть также в верхнетазовском селькупском и лесном энецком, однако в них уже утрачено функциональное обоснование этой системы.

нганасаны демонстрируют общность с селькупамы в следующих областях: **типы одежды** (раздел написан Н. Ф. Прытковой, карта на с. 325), **типы головных уборов** (раздел написан Н. Ф. Прытковой, карта на с. 368), **типы лодок** (раздел написан В. В. Антроповой, карта на с. 129)⁷. Вполне возможно, что эти достаточно древние культурные связи не полностью пресекались и к тому периоду возможного контакта северных селькупов и нганасан, о котором идет речь в данной статье.

Соответственно, можно предположить, что в период после продвижения селькупов на север (юго-)западная граница расселения нганасан была существенно ближе к среднему течению Таза — той территории, на которой происходило формирование среднетазовского диалекта селькупского языка. Следует учитывать, что селькупы при освоении северных территорий ассимилировали часть лесных энцев, другую же их часть потеснили на правобережье Енисея⁸, так что эта сохранившая язык группа оказалась в силу естественных географических границ выключена из новой ситуации языкового контакта, созданной продвижением селькупов по левобережью Енисея. Что касается тундровых энцев, то они были несколько позже оттеснены с левобережья Енисея ямальскими ненцами. Таким образом, с одной стороны, часть нганасанских родов была существенно ближе к территории формирования среднетазовского говора, с другой стороны, энцы в соответствующий период по разным причинам были выключены из прямого контакта с продвинувшимися на север селькупамы; соответственно, до консолидации всех групп нганасан на современной территории обитания юго-восточная периферия распространения нганасанского языка, вероятно, непосредственно граничила с северной периферией северной селькупской диалектной зоны⁹.

⁷ Помимо этого, в [ИЭАС 1961] рассмотрены также олений транспорт, упряжное собаководство (не для нганасан), лыжи (не для нганасан), жилища, орнамент, шаманские бубны (по этому последнему параметру нганасаны и энцы образуют особый тип; у них же представлен особый «таймырский» тип одежды, комбинирующийся с одеждой енисейского типа; что касается жилищ, они, естественно, используют чум — жилище, общее для многих народов, однако у нганасан представлена особая, оригинальная конструкция крепления основных шестов, позволяющая варьировать размер чума). Таким образом, по ряду параметров нганасаны объединяются с приенисейскими народами (кетами и селькупамы), по другим параметрам образуют отдельный тип, отграничивающий их (вместе с энцами) от кетов и селькупов, но равным образом и от ненцев.

⁸ Впрочем, как указывает Е. А. Хелимский, еще с создания Мангазеи начинается миграция части тазовской группировки энцев «на север и северо-восток — часто на земли союзников-нганасанов» [Хелимский 1996/2000: 39].

⁹ Наконец, можно привести еще некоторые пока разрозненные лингвистические факты, свидетельствующие о возможном контакте среднетазовского селькупского и нганасанского. 1. Как предположил В. Ю. Гусев, современные нганасанские эвиденциальные показатели инферентива и репортатива могли возникнуть из сочетания «старого» показателя инферентива с выражающими эвиденциальные значения частицами, представленными в селькупском: *tompa* и *myta* [Гусев 2013: 69–70]. Как показывает диалектный словарь северных селькупских наречий [Казакевич, Будянская 2010], данные частицы употребляются только в самом северном, среднетазовском говоре. 2. Как кажется, заслуживает внимания возможность «переноса» некоторых гидронимов при миграции нганасан с запада на восток: ср. такие дублетные названия, как Малая и Большая Хета (левые притоки Енисея на широте Игарки — Дудинки) vs. река Хета на Таймыре, а также зафиксированное Г. Ф. Миллером нганасанское название оз. Пясино *Turùk-áa* [Хелимский 2002: 614], полностью соответствующее северносамодийскому названию Турухана, представленному в тех же записях Г. Ф. Миллера, ср. юрацк. *Turuhád* [Там же: 612] и лесн. эн. *Turága* [Там же: 609].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— 1-е, 2-е, 3-е лицо	LAT	— латив
ABL	— аблатив	LATENT	— латентив
ACC	— аккузатив	LIM	— лимитатив ('только')
AOR	— аорист	LOC	— локатив
ATTR, AT	— атрибутивная форма	LOCADV	— локатив в наречиях и послелогах
AUGM	— аугментатив	NARRREP	— нарративный репортатив
CARIT	— каритив	o	— объектное спряжение
COLL	— собирательность	PASS	— пассив
CONN	— коннегатив	PERF	— перфект
CVB	— деепричастие	PL	— множественное число
DEST	— дестинатив	PN	— имя собственное
DIM	— диминутив	PRAES	— настоящее время
DU	— двойственное число	PRAET	— прошедшее время
DUR	— дуратив	PRAETN	— прошедшее время имени
ELADV	— элатив в наречиях и послелогах	PRESUMP	— презумптив
EMPH	— показатель со значением эмфазы	PROL	— пролатив
EXCL	— междометие	PtPRAES	— причастие настоящего времени
FUT	— будущее время	PtPRAET	— причастие прошедшего времени
GEN	— генитив	r	— рефлексивное спряжение
ILL	— иллатив	REPORT	— репортатив
INF	— инфинитив	s	— субъектное спряжение
INFER, INFR	— инферентив	SG	— единственное число
INTENS	— интенсивно-перфектная совершаемость	SS	— односубъектность
INTR	— непереходное (= субъектное) спряжение	VACOND	— условное деепричастие
IPFV	— имперфектив	VAINF	— инфинитивное деепричастие
ITER	— итератив	VNIpf	— имперфективное имя действия
		VNPfv	— перфективное имя действия
		VNTempI	— темпоральное имя действия I

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ИЭАС 1961 — Левин М. Г., Потапов Л. П. (ред.). *Историко-этнографический атлас Сибири*. М.: Изд-во Академии наук, 1961.
- Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. *Диалектологический словарь сельского языка (северное наречие)*. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Прокофьев (рук.) — Тексты на селькупском языке, записанные Г. Н. Прокофьевым и подготавливаемые к печати О. А. Казакевич. Хранятся в Архиве МАЭ РАН.
- ЭПН — Куприянова З. Н. (сост.). *Эпические песни ненцев*. М.: Наука, 1965.
- Siberian Lang — Siberian Lang / Малые языки Сибири: наше культурное наследие. Раздел «Тексты». URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/textspage>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вашенко, Долгих 1962 — Вашенко П. Т., Долгих Б. О. Предания о тотемических названиях родов у нганасан. *Советская этнография*, 1962, 3: 178–182. [Vashchenko P. T., Dolgikh B. O. Nganasan legends about totemic clan names. *Sovetskaya etnografiya*, 1962, 3: 178–182.]
- Гусев 2007 — Гусев В. Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 415–444. [Gusev V. Yu. Evidentiality in Nganasan. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati N. A. Kozintsevoi*. Hrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 415–444.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Селькупско-нганасанские параллели в области глагольной морфологии. *Лингвистический беспредел — 2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой*.

- Кибрик А. Е. (ред.). М.: МГУ, 2013, 67–73. [Gusev V. Yu. Selkup–Nganasan parallels in verbal morphology. *Lingvističeskii bespredel – 2: Sbornik nauchnykh trudov k jubileju A. I. Kuznetsovoi*. Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 2013, 67–73.]
- Казакевич 2002 — Казакевич О. А. Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и в пространстве. *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*. Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). М.: Индрик, 2002, 483–497. [Kazakevich O. A. The life of North Selkup folklore narratives in time and space. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2002, 483–497.]
- Казакевич 2005 — Казакевич О. А. Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления. *Малые языки и традиции. Существование на грани. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков*. Кибрик А. Е. (ред.). М.: Новое издательство, 2005, 122–134. [Kazakevich O. A. Structural change in a language with limited usage. *Malye yazyki i traditsii. Sushchestvovanie na grani. Vyp. 1: Lingvističeskije problemy sokhraneniya i dokumentatsii mal'nykh yazykov*. Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2005, 122–134.]
- Мифология 2004 — Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Малони А. А., Байдак А. В., Глушков С. В. *Мифология селькупов*. Т. 4. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. [Tuchkova N. A., Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Kim-Maloni A. A., Baidak A. V., Glushkov S. V. *Mifologiya sel'kupov* [Selkup mythology]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State Univ. Publ., 2004.]
- ОчСЯ 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. *Очерки по селькупскому языку*. М.: МГУ, 1980. [Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Očerki po sel'kupskomu yazyku* [Essays on the Selkup language]. Moscow: Moscow State Univ., 1980.]
- ОчСЯ 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект*. Т. 2. М.: МГУ, 1993. [Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Helimski E. A. *Očerki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt* [Essays on the Selkup language. The Taz dialect]. Vol. 2. Moscow: Moscow State Univ., 1993.]
- Сорокина, Болина 2005 — Сорокина И. П., Болина Д. С. *Энецкие тексты*. СПб.: Наука, 2005. [Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.]
- Терещенко 1990 — Терещенко Н. М. *Ненецкий эпос*. Л.: Наука, 1990. [Tereshchenko N. M. *Nenetskii epos* [Nenets epos]. Leningrad: Nauka, 1990.]
- Терёшкин 1961 — Терёшкин Н. И. *Очерки диалектов хантыйского языка. Часть 1. Ваховский диалект*. Л.: Наука, 1961. [Tereshkin N. I. *Očerki dialektov khantyiskogo yazyka. Chast' 1. Vakhovskii dialekt*. [Sketches of Khanty dialects. Part 1. The Vakh dialect]. Leningrad: Nauka, 1961.]
- Тучкова, Вагнер-Надь 2015 — Тучкова Н. А., Вагнер-Надь Б. «Семи богов мудростью обладающий Итте...». *Тексты с героем Иты в селькупском фольклоре*. Томск: Изд-во ТГПУ, 2015. [Tuchkova N. A., Wagner-Nagy B. «Semi bogov mudrost'yu obladayushchii Itte...». *Teksty s heroem Itya v sel'kupskom fol'klоре* [“Itte, equal to seven gods in wisdom...”]. Texts about Itya in the Selkup folklore]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Univ. Publ., 2015.]
- Тучкова, Хелимский 2010 — Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. *О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку*. (Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien, 5.) Hamburg: Universität Hamburg, 2010. [Tuchkova N. A., Helimski E. A. *O materialakh A. I. Kuz'minoi po sel'kupskomu yazyku* [On A. I. Kuzmina's Selkup materials]. (Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien, 5.) Hamburg: Universität Hamburg, 2010.]
- Урманчиева 2014 — Урманчиева А. Ю. Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем. *Вопросы языкознания*, 2014, 4: 66–86. [Urmanchieva A. Yu. Evidential markers in Selkup: Semantic and pragmatic factors in the description of verbal categories. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 4: 66–86.]
- Урманчиева 2015 — Урманчиева А. Ю. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей. *Вопросы языкознания*, 2015, 6: 52–75. [Urmanchieva A. Yu. How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams (a case study on the Taz Selkup system of evidential markers). *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 6: 52–75.]
- Урманчиева 2018 — Урманчиева А. Ю. Сходство нарративных стратегий нганасанского языка и среднетазовского говора селькупского (о возможной корреляции лингвистических и этнографических данных). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2018, 19(1): 59–68. [Urmanchieva A. Yu. Similarities between narrative strategies of Nganasan and Middle Taz Selkup: Converging evidence from linguistics and ethnography. *Tomskii zhurnal lingvističeskikh i antropologičeskikh issledovanii*, 2018, 19(1): 59–68.]

- Хелимский 1996/2000 — Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов. *Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи*. Хелимский Е. А. М.: Языки русской культуры, 2000, 26–40. [Helimski E. A. A sketch of history of Samoyedic people. *Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i*. Helimski E. A. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2000, 26–40.]
- Хелимский 2002 — Хелимский Е. А. Таймыр, нижний Енисей и бассейн Таза в начале XVIII века: заметки Г. Ф. Миллера по этнологии, этнонимии и топонимии Мангазейского уезда. *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*. М.: Индрик, 2002, 592–616. [Helimski E. A. Taymyr, Lower Yenisei and the Taz bassin in the early 18th century: G. F. Miller's notes on ethnology, ethnonymy and toponymy of the Mangazeyan district. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Moscow: Indrik, 2002, 592–616.]
- Katzschmann 2008 — Katzschmann M. *Chrestomathia Nganasanica: Texte — Übersetzung — Glossar — Grammatik*. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2008.
- Lehtisalo 1947 — Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne, XC.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1947.
- Maslova 2003 — Maslova E. Evidentiality in Yukaghir. *Studies in Evidentiality*. (Typological studies in language, 54.) Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003, 219–235.

Получено / received 17.09.2018

Принято / accepted 11.12.2018